

Ewa Sadzińska

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173

Александра Кушнера диалог с Пушкиным

Нет лирики без диалога.

О. Мандельштам¹.

Лирика Александра Кушнера – непрекращаемый, вневременный поэтический диалог. Интертекстуальный характер поэтики современного автора, ориентированной, прежде всего, на традиции русской классики, отмечен многими критиками.

Его стихи, – пишет Дмитрий Лихачев, – растут не на голой почве, своими корнями они уходят в культуру прошлого. Кушнер ощущает свою связь с поэтами-предшественниками. В его стихах слышны отзвуки былых поэтических образов, трансформированные и удаленные. Традиция для него – не трафарет для следования, а стимул и импульс творчества, обогащающий его, необходимый для создания нового поэтического мира².

Видное место в ряду русских поэтов, к которым постоянно обращается Кушнер, принадлежит именно Александру Пушкину. «В каждом из живущих поэтов есть что-то от Пушкина: ведь этот голос впитан нами с детства»³, – убеждал поэт в речи, произнесенной в Санкт-Петербурге 29 мая 1999 года при вручении ему Пушкинской премии немецкого фонда Альфреда Тёпфера. Наследие Пушкина для Кушнера – почва, из которой произрастает его

¹ Цитата из эссе *О собеседнике* (1913): О. Мандельштам, *Выпрямительный вздох. Стихи, проза*, Ижевск: «Удмуртия» 1990, [Электронный ресурс] http://imwerden.de/pdf/mandelshtam_esses.pdf [15.08.2014].

² Д. Лихачев, *Кратчайший путь*, [Электронный ресурс] <http://folioverso.ru/imena/6/10.htm> [15.08.2014].

³ А. С. Кушнер, *Присутствие поэзии в самой жизни*, «Новый мир» 1999, № 8, [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/8/premii1.html [15.08.2014].

стих, своеобразный эталон художественности. Оно воспринимается поэтом, по справедливому замечанию Н. А. Кузьминой, как

единный Текст (в семиотическом смысле), в нем действуют общие законы интертекста, частью которого он является, что позволяет свободно переходить от одного произведения к другому, перешагивать из романа в поэму, из поэзии в прозу, из литературы в биографию⁴.

Кушнер подхватывает и эту особенность поэтики Пушкина и, обращаясь к опыту предшественника, решает свои художественные задачи.

Внимание к судьбе и произведениям автора *Евгения Онегина* замечаем на протяжении всего творчества Кушнера. Пушкинский текст постоянно, явно или скрыто, присутствует в его стихотворениях (в том числе и в названиях книг стихов), в критических статьях, эссе, *Заметках на полях*, даже в предисловиях к сборникам стихов⁵. Как утверждает Кушнер в одной из статей, «о Пушкине думаешь невольно, по самым разным поводам, вне всякой зависимости от какой-либо даты. [...] Пушкин актуален, вспоминается по любому поводу, может пригодиться в каждую минуту»⁶. Пушкинское слово присутствует на многих уровнях структуры произведений поэта – образом, идейном, тематическом, лексическом, ритмическом.

Цель нашей статьи заключается в попытке обобщить и систематизировать присутствующие в произведениях Кушнера многообразные маркеры цитации, частично уже прокомментированные в критических статьях, а также указать на самые интересные, на наш взгляд, средства поэтического диалога с Пушкиным⁷.

Среди эксплицитных, направленных на узнавание, форм интертекстуального диалога наиболее частыми являются у Кушнера упоминания имени предшественника, его персонажей, сюжетов и мест, связанных с биографией поэта и его литературных героев. Знаковые имена отсылают не столько к конкретному тексту Пушкина, сколько к культурной памяти⁸.

⁴ Н. А. Кузьмина, *Пушкинский текст современной поэзии*, «Вестник Омского университета» 1999, вып. 2, [Электронный ресурс] <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1999-i2/a108/article.html> [31.08.2014].

⁵ См., например: А. С. Кушнер, *В новом веке. Стихотворения*, Москва: Прогресс-Плеяда 2006, с. 3.

⁶ А. С. Кушнер, *Заметки на полях*, «Новый мир» 1999, № 8, [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/8/premii1.html [15.08.2014].

⁷ В центре нашего внимания оказались выбранные произведения поэта, помещенные в следующих сборниках: А. С. Кушнер, *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения. Статьи о поэзии*, СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011; он же, *В новом веке...*; он же, *Стихотворения. Четыре десятилетия*, Москва: Прогресс-Плеяда 2000; а также стихотворения и эссе, опубликованные в периодической печати в журналах «Новый Мир» и «Нева».

⁸ См. Н. А. Кузьмина, *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*, Москва 2009, с. 135.

В группе пространственных маркеров ярко выделяются Царское село, Михайловское, «Черна речка» (место дуэли, где был смертельно ранен Пушкин), Коломна (район Санкт-Петербурга) или другие топонимы. В художественной картине мира Кушнера «град Петров», как устойчивый локус его лирики в целом, становится особым сюжетом культуры. Город насыщен различными символами, наполнен традицией русской поэзии, которой поэт постоянно следует и о которой помнит⁹.

Графические способы выделения цитации, т. е. кавычки и курсив, столь характерные для Пушкина¹⁰, встречаются и у современного поэта, однако сравнительно редко.

Не менее редкими, зато довольно интересными, являются примеры использования Кушнером слов, указывающих на вторичность описываемого, как продолжение раньше начатого диалога. Моделируется он посредством лексических единиц типа: опять, вновь, то же, так же, как тогда, как тот, и др.¹¹. Ср., например: «... Вставали волны **так же** до небес...», «... Вздыхался вал, **как** схлынувший **точь-в-точь** / Сто лет назад...», «... Но **в этот раз...**» (цитаты из стихотворения *Два наводнения*, отсылающего к *Медному всаднику*); или же: «Я **тоже** посетил / Ту местность...» (из *Посещения*, перекликающегося с пушкинским «...Вновь я посетил...»).

Явные знаки поэтического диалога с предшественником становятся особо значимыми, если они помещены в сильные позиции текста – заглавие, посвящение, эпитафия, первую/последнюю строку. Рассмотрим с этой точки зрения инициальную фразу одного стихотворения. Оставляем в стороне немногочисленные посвящения в стихотворениях Кушнера, которые обращены как раз к современникам поэта – авторам, исследователям или критикам (среди них, например, О. Чухонцев, А. Битов, Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург, А. Машевский и др.) и эпитафии. Они же, как наиболее распространенная форма лирического контакта поэтов, для Кушнера почти не актуальны¹².

Так, стихотворение «Гости съезжались на дачу...» (из сборника *Холодный май*, 2005) начинается точно так же, как неоконченный прозаический отрывок Пушкина, задуманный в 1828 г. Его начало отсылает к общественно-культурной действительности пушкинского произведения – это повесть из жизни светского общества. Способствует этому повествовательная форма процитированной инициальной фразы, а также некоторые переклички в системе образов,

⁹ См. об этом: И. В. Ащеулова, *Русская поэзия второй половины XX в.: имена и мотивы*, Кемерово 2007, с. 57–58.

¹⁰ См.: Н. А. Кузьмина, *Интертекст и его роль...*, с. 130.

¹¹ Подробнее об этом см. там же, с. 136.

¹² На основе наших наблюдений, Кушнер редко снабжает свои стихотворения эпитафиями, по всей вероятности, «из нелюбви к эпитафиям с их многозначительностью». О своем отношении к эпитафиям упоминает поэт в эссе *Анна Андреевна и Анна Аркадьевна*. См.: А. С. Кушнер, *По эту сторону таинственной черты...*, с. 302.

например, сходства в описании хронотопа: дача в окрестностях Петербурга, ночь (действие пушкинской повести разворачивается летом под Петербургом, «на даче у гр. Л.»¹³, главным образом поздним вечером и ночью; в стихотворении Кушнера упоминаются современные дачные местности вблизи Петербурга – Вырица и Комарово, описывается ночной пейзаж), мотивы (любви, общих разговоров, свободного времяпрепровождения) и отдельные детали (балкон).

В наброске Пушкина читаем:

[...] Висты учредились. Осталось на ногах несколько молодых людей; и смотр парижских литографий заменил общий разговор.

На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестию северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке. «Как хороша ваша северная ночь, – сказал он наконец [...]»¹⁴.

Ср. у Кушнера:

Белая ночь поднимает любую деталь
В статусе; призрачны ели и сосны, мы сами;
Чай на веранде ...

Что вы читаете? С чем согласились в душе?
Кто вас смешит, развлекает и ловит на слове?...¹⁵

Кроме этого, в очередных строках называются также первоисточник – «дачный набросок» – и его автор:

Пушкин – помещик, но он же и дачник уже,
В Вырице жил бы сегодня, а то – в Комарове.

Если б набросок он дачный продолжил, о чем
Был бы рассказ: о любви? об игре? о полночной
Бабочке...¹⁶.

Стихотворение Кушнера противоположно претексту по своей семантико-эмотивной доминанте. Диссонанс прозвучит уже в первой строке – явная цитата из Пушкина помещена в контрастный, по отношению к своему источнику, контекст. Приведем первую строфу полностью:

¹³ См. А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова, *К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...»*, [в:] *Временник Пушкинской комиссии*. 1966. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис., Ленинград: Наука 1969, с. 36.

¹⁴ А. С. Пушкин, «Гости съезжались на дачу...», [в:] он же, *Полное собрание сочинений: в 10-ти тт.*, Ленинград 1978, т. 6, с. 374.

¹⁵ А. С. Кушнер, «Гости съезжались на дачу...», [в:] он же, *В новом веке...*, с. 262.

¹⁶ Там же.

Гости съезжались на дачу. Мы любим гостей.
 Дачная жизнь – утешение наше и радость
 После снегов белогривых и черных дождей.
 Нравятся нам травянистость, холмистость, покатошь [...] ¹⁷.

Таким образом, уже с самого начала лирическое «Я» фиксирует несовпадение миров, указывает (посредством экспрессивно-оценочных слов и выражений «мы любим гостей», «нравятся нам») на различные пространственно-временные координаты субъектов.

В хронотопе стихотворения Кушнера сходятся разные временные перспективы – прошлое соединено с настоящим, культура с повседневностью. Здесь мы имеем дело с тем, что Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий называют «узнаванием цитаты в повседневности» или «узнаванием повседневного в вечном» ¹⁸. Исследователи сходятся в том, что Кушнер изучает присутствие культурной памяти в самых незначительных, мимолетных и мелких впечатлениях частного человека ¹⁹. В результате «чужое» слово обрастает новым семантическим значением, которое генерируется именно за счет включения прецедентного текста или имени в противоположный по смыслу контекст. В данном случае, размышления лирического «я» переключаются из бытового описания «дачной жизни» (как современной Кушнеру, так и пушкинской, разоблачающей нравы светского общества) в сферу бытия, насущных вопросов – о вечной жизни, смерти. Показательна в этом плане финальная строфа стихотворения:

Сны так реальны, хоть спать вообще не ложись.
 Думаешь: может быть, с пышной крапивой в канаве
 Дачная жизнь повлияла на вечную жизнь,
 Детализировав кое-что в ней и поправив ²⁰.

Переакцентировка семантики на контрастную по отношению к тексту-источнику, столкновение высокопоэтического пушкинского контекста и «своего», бытового – характерная черта диалогической поэтики Кушнера в целом. Проявляется она и в других стихотворениях, цель которых явная или скрытая полемика с предшественником или отдельными его идеями. Нельзя не упомянуть в этом месте такие стихотворения Кушнера, как «Он встал в ленинградской квартире...» (из сборника *Приметы*, 1969) или «О слава, ты так же прошла за дождями...» (сборник *Письмо*, 1974), уже детально

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Русская литература XX века (1950–1990-е годы): в 2-х тт.*, т. 2: 1968–1990, Москва 2010, с. 326, 327.

¹⁹ Там же, с. 315.

²⁰ А. С. Кушнер, «Гости съезжались на дачу...», с. 262.

освещенные исследователями и критиками²¹. Оба они навеяны впечатлениями от пушкинских стихотворений (соответственно – *Пророком* и *Желанием славы*) и содержат не столько полемику с конкретными идеями их автора (например, идеей поэта-пророка), сколько самобытную их постановку в новой художественной реальности.

Среди имплицитных заимствований из Пушкина выступают в стихотворениях Кушнера неатрибутированные цитаты, скрытые образы и аллюзии, реминисценции, парафразы. Они могут соотноситься с первоисточником опосредованно, через промежуточные звенья. В качестве примера приведем стихотворение из сборника *Холодный май* (2005), начало которого звучит следующим образом:

С парохода сойти современности
Хорошо самому до того,
Как по глупости или из ревности
Тебя мальчики сбросят с него [...] ²².

Первая строка – это перефразированная цитата из манифеста русских футуристов *Щекина общественному вкусу. В защиту свободного искусства* (1912), написанного, вспомним, поэтами Д. Д. Бурлюком, А. Е. Крученых, В. В. Маяковским и В. В. Хлебниковым²³. Выражение «Сбросить Пушкина с парохода современности» стало крылатым, поэтому рассматривается оно в качестве прецедентного феномена. В его памяти сохранился историко-культурный контекст, отсылающий к выступлению в начале XX в. футуристов, которые порывали с предыдущей литературной традицией, в том числе, и с пушкинским наследием. В приведенной строфе имплицитно присутствует и тот, к кому был обращен своеобразный вызов молодого поколения поэтов. Для того, чтобы обеспечить узнаваемость, Кушнер дополнительно вводит в четвертой строфе имя Пушкина (правда, с усилительной частицей «ни» в функции соединительного союза):

Пароход-то огромный, трехпалубный,
Есть на нем бильярд и буфет,

²¹ См., например: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Русская литература XX века...*, с. 323, 326; И. Роднянская, *Поэт меж ближайшим и вечным*, [в:] она же, *Художник в поисках истины*, Москва: Современник 1989, с. 159 и др.

²² А. С. Кушнер, *По эту сторону таинственной черты...*, с. 199–200. В дальнейшем все цитаты из стихотворений поэта приводятся в тексте с указанием страницы в скобках.

²³ В первоисточнике читаем: «[...] Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности [...]». См.: *Серебряный век. В поэзии, документах, воспоминаниях*, Москва 2001. Цит. за: *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*, авт.-сост. В. Серов, Москва 2003, [Электронный ресурс] <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/172.htm> [28.08.2014].

А гудок его смутный и жалобный:
Ни Толстого, ни Пушкина нет (200).

Стихотворение Кушнера содержит косвенную переадресацию через Маяковского к Пушкину. Его автор полемизирует с эстетическими взглядами авторов манифеста, перемещая смысл исходного текста в иронический регистр. Нельзя отвергать традицию, преемственность, о чем на протяжении свыше пятидесяти лет свидетельствуют своими произведениями петербургский поэт.

Знаками, отсылающими к Пушкину, являются у Кушнера и некоторые особенности структуры его стихотворений (ритмико-композиционные схемы, строфическое членение). Необходимо отметить, что поэт следует классическим традициям русского стиха, предпочитая силлаботонику, регулярный размер, иногда подражая античным метрам. У него даже графика классическая: каждый стих начинается с прописной буквы. О своей приверженности к стиху, основанному именно на метрике и рифмовке, Кушнер неоднократно высказывался как в художественных текстах, так и в эссеистике и интервью. Показательным в этом отношении является стихотворение из сборника *На сумрачной звезде* (1994). Приводим его полностью:

Там, где весна, весна, всегда весна, где склон
Покал, и ласков куст, и черных нет наветов,
Какую премию мне Аполлон
Присудит, вымышленный бог поэтов!

А ствол у тополя густой листвой оброс,
Весь, снизу доверху, – клубится, львиногривый.
За то, что ракурс свой я в этот мир принес
И не похожие ни на кого мотивы.

За то, что в век идей, гулявших по земле,
Как хищники во мраке,
Я скатерть белую прославил на столе
С узором призрачным, как водяные знаки.

Поэт для критиков что мальчик для битья.
Но не плясал под их я дудку.
За то, что этих строк в душе стесняюсь я,
И откажусь от них, и превращу их в шутку.

За то, что музыку, как воду в решето,
Я набирал для тех, кто так же на отшибе
Жил, за уступчивость и так, за низачто,
За je vous aime, ich liebe (155).

Стихотворение пронизано пушкинскими подтекстами на формальном и содержательном уровнях. В качестве литературного источника выбран

«Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836), отсылающий, как известно, к традиции подведения итогов своего творчества, восходящей к Горацию. Следуя многовековой традиции, Кушнер, однако, дает свою обработку темы, направленную на шутивное, полупародийное восприятие. Укажем на некоторые сходства и различия.

Во-первых, переключку провоцирует метрико-ритмическое звучание произведений. Оба они написаны неравноостопным ямбом, в котором преобладают шестистопные строки. В обоих одинаковое количество строф (5), при этом, как Пушкин, так и Кушнер соблюдают строгое строфическое членение; переносы наблюдаются только в рамках одной строфы. В стихотворениях выступают перекрестные точные рифмы с чередованием мужских и женских окончаний, ср.: у Пушкина – нерукотворный : непокорный, тропа : столпа, лире : мире, язык : калмык и т.д. У Кушнера – склон : Аполлон, наветов : поэтов, оброс : принес, дудку : шутку и т.д.

Во-вторых, некоторое сходство наблюдается также в синтаксическом строе стихотворений. В пушкинском «Памятнике» каждая строфа – это сложноподчиненное предложение. У Кушнера – три из пяти строф построены таким же образом.

Интертекстуальный диалог поддерживается Кушнером и на других уровнях организации текста. Обнаруживаются сходные мотивы и образы, например, мотивы перечисления своих заслуг, свободы и независимости творчества, параллельные оценочные образы своего времени. Под пером современного поэта они трансформируются, подвергаясь расширению и транспозиции.

В то же время очевидны и яркие различия. Поэтический мир Кушнера, по сравнению с пушкинским, намеренно приземлен, обытовлен. Размышления на тему своего творчества и места на русском Парнасе современный поэт поместил в шутивный контекст. Такое ощущение возникает уже после прочтения первых строк, в которых прозвучат слова об ожидании премии от Апполлона. Способствует этому и эпитет «вымышленный», относящийся к покровителю искусства. В очередных строфах поэт не без иронии перечисляет свои заслуги. Автоирония достигнет пика в четвертой строфе, в которой поэт откажется от написанных строк, превращая их в литературную шутку.

Так, стихотворение Кушнера строится по принципу несоответствия тематического и стилистического планов. Автор заимствовал темы, мотивы и отдельные образы произведения Пушкина и, посредством низких форм, трансформировал его смысл. «Снижение» проявляется на всех уровнях структуры текста. Цель этой имитации эксплицитно названа ее автором – шутка, забава. Подобного рода языковые игры и травестирирование не были чужды, как известно, и самому Пушкину.

В заключение наших наблюдений хотелось бы указать на еще одно сходство в способе конструирования текста. Имеем здесь в виду стихотворения со сложным зачином, в которых используются грамматические формы

придаточного предложения времени («Когда...»). По мнению Кушнера, Пушкин любил так начинать свои стихи²⁴. Об этом читаем в *Заметках на полях*, написанных в год двухсотлетнего юбилея поэта²⁵. Кушнер также прибегает к такому зачину, ср.: «Когда я у полки одну выбираю из книг...», «Когда шумит листва, тогда мне горя мало...» (из сборника *Таврический сад*, 1984); «Когда страна из наших рук...», «Когда б я родился в Германии...», «Когда бы град Петров стоял на Черном море...» (сб. *Тысячелистник*, 1998). Это далеко не все примеры. Перспективным кажется исследование возможных переключек и на других уровнях названных текстов, но это материал для отдельной статьи.

Подведем итоги. Многие и разнообразные пушкинские реминисценции и аллюзии, задаваемые в стихотворениях Кушнера, важны не только сами по себе: они выстраивают вокруг данного текста определенное «интертекстуальное поле» и вписывают его в историко-культурную традицию. Не отдельный текст Пушкина, и не отдельная его мысль, как представляется, вызывают размышления у Кушнера, но мир в его совокупности.

Современный поэт органично воспринимает и творчески развивает пушкинскую традицию. Проявляется это в продолжении некоторых тем, усвоении поэтических форм, образов, иногда в явном или скрытом споре с предшественником. Не будет преувеличением сказать, что слово Пушкина является необходимой составляющей поэтики Кушнера.

Ewa Sadzińska

Alexander Kushner in Dialogue with Alexander Pushkin

(Summary)

Alexander Kushner's poetry is an endless and timeless dialogue with his predecessors. Alexander Pushkin has a special place among them. Overt and covert references to the author of *Eugene Onegin* are present at various levels of Kushner's texts – in themes, images, ideas, as well as at the level of formal organization: in language and metrics.

The present article deals with the modes of reception and interpretation of Pushkin's lyrics in the oeuvre of the contemporary poet from St. Petersburg. The analysis focuses on the varied forms of Kushner's intertextual dialogue with the Romantic poet (quotations, allusions, reminiscences, references both of literary and biographical character). The sources and nature of reminiscences from Pushkin are indicated, such as accepting dialogue, polemics, assimilation, rejection and partial redefinition.

Keywords: intertextuality, dialogue, reminiscences, Pushkin's tradition, Alexander Kushner.

²⁴ А. С. Кушнер, *Заметки на полях...*

²⁵ В качестве примера Кушнер приводит следующие стихотворения предшественника: «Когда бы верил я, что некогда душа, от тленья убежав...», «Когда для смертного умолкнет шумный день...», «Когда порой воспоминашь...» и др.

